

АНДРЕЙ ИЛЬИН*

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕФОРМА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ**

Аннотация: В статье рассматривается место понятий «революция» и «реформа» в политическом дискурсе на начальном этапе Великих реформ Александра II. Понятие «революция» существовало в России с конца XVIII в. и нередко служило негативным сценарием, угроза реализации которого была действенным аргументом против тех или иных мер или решений. В статье показано, что в начале правления Александра II ситуация несколько изменилась. Угроза революции теперь использовалась, чтобы оправдать реформу. На возможность революции ссылались представители власти, а также общественные деятели, которые стремились повлиять на правительство. «Реформа», как признавалось многими, имела с «революцией» общие цели, поэтому она нередко представлялась совершением революции другими средствами. В результате в начале правления Александра II реформа и революция, многими воспринимавшиеся как противоположности, определенным образом сблизились. Крайним проявлением этой тенденции стала концепция «революции сверху», которую развивали в основном левые общественные деятели, такие как А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Она предполагала, что преобразования, осуществляемые властью, должны носить «революционный», коренной характер, проводиться в интересах простого народа и при его участии. Однако это положение дел сохранялось лишь на протяжении относительно короткого промежутка времени. В заключении статьи делается вывод, что семантические эксперименты и сближения противоположностей в начале эпохи Великих реформ были связаны с неясностью статуса правительства в новых условиях и неустоявшейся системой общественных связей. На протяжении 1860-х гг. оппозиция «революция» и «реформы» делалась все более явной, концепция «революции сверху» была оставлена левыми авторами. «Революция» и «реформа» стали инструментами политической демаркации между революционным движением и либеральными сторонниками правительства. Хотя «революция» утратила свою прежнюю роль, ее присутствие в публичной дискуссии как минимум в виде негативного сценария было окончательно легитимировано.

Ключевые слова: революция, реформа, Великие реформы, Герцен, Александр II.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-11-2-13-32.

«Революция» и «реформа» — близкие понятия. В разное время и в разных контекстах ситуация могла быть различной, но, тем не менее, можно сказать, что они оба связаны с быстрыми и при этом глубокими изменениями в политике или в социальной сфере, которые служат историческому прогрессу. Вместе с тем революция и реформа часто

*Ильин Андрей Александрович, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), andrew.a.ilyin@gmail.com.

**© Ильин, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

противопоставляются друг другу. Опыт французской революции привел к тому, что понятие «революция» начало ассоциироваться с насилием и нарушениями закона. Оно во многом сохранило свою важность для левого движения, тогда как либеральная идеология все больше ассоциировалась с альтернативной «революции» концепцией — «реформой», которая предполагала проведение правительством необходимых прогрессивных изменений мирными и легальными средствами.

На немецком (Бульст и др., 2014: 667–677) и на английском (Hindess, 2005: 302–303) материале исследователями было показано, как на протяжении XIX в. концепт «революция» постепенно исчезал из либерального языка¹. В нем «революциями» все чаще назывались негативно оцениваемые события прошлого, в будущем же противники насильственных переворотов предпочитали видеть «эволюцию» и «реформу». Развитие в XIX в. альтернативных представлений о политических и социальных изменениях привело к тому, что сторонников революций критиковали не только их явные противники — консерваторы, которые придерживались обычно довольно традиционных представлений о политике и истории. Революционаризм вызывал также недовольство тех, кто частично разделял веру революционеров в ценность прогресса.

В центре внимания настоящей статьи находится история понятий «революция» и «реформа» в первые годы царствования Александра II, на которые пришелся ряд значимых перемен в русском политическом языке. При рассмотрении этого периода особое внимание уделяется дебатам различных авторов и столкновениям разных политических и интеллектуальных направлений, которые вели к концептуальным изменениям. Эта исследовательская перспектива методологически более близка к Кембриджской школе интеллектуальной истории, чем к немецкой *Begriffsgeschichte* (истории понятий). С Кембриджской школой это исследование сближает и внимание к деталям полемики, происходившей вокруг «революции» и «реформы». Оно помогает увидеть в этих понятиях не только средства описания действительности, но также инструменты действия, которые позволяли оправдывать определенные меры и решения, а также прогнозировать, предупреждать и угрожать².

¹См. также: Koselleck, 1967; 2004. Фундаментальное исследование Козеллека «Пруссия между реформой и революцией» во многом дополняет его работы по истории понятия, показывая реформу с точки зрения социальной истории. Козеллек представляет ее как множество административных по своей природе нововведений и инициатив, влиявших на государственный строй и социальную структуру королевства.

²См.: Skinner, 2002: 167–169.

Основой источниковой базы работы являются материалы периодической печати эпохи Великих реформ и предшествующего ей периода, при помощи которых возможно реконструировать основные моменты дебатов, принципиально важных для истории исследуемых понятий. Также были привлечены дневники и письма, в которых синхронно фиксировались изменения в значении и прагматике использования релевантных для настоящего исследования выражений. Помимо этого, в работе используются отчеты и служебные записки.

Понятие «революция» оформилось в России в конце XVIII в. и на протяжении следующего столетия воспринималось чаще всего в негативном свете (Виноградов, 1999: 248–251; Одесский и Фельдман, 2012: 180–189). Власти опасались того, что события, подобные французским, могут произойти в России, и поэтому стремились не допустить, чтобы в империи возникли свои собственные революционные тенденции.

На протяжении первой половины XIX в. ссылки на угрозу революции нередко использовались в качестве аргумента против тех или иных институтов, правительственных мер или социально-политических явлений. Так, А. Н. Голицын в 1824 г. был обвинен архимандритом Фотием в фактической подготовке революции и смещен с поста министра духовных дел и народного просвещения. Фотий писал Александру I, что по попустительству министра православие пришло в упадок, а вместо него в России распространяется вера «в грядущего Антихриста, двигающая революцией, жаждущая кровопролития, исполненная духа сатанина» (цит. по: Флоровский, 2009: 200). Архимандрит предсказывал, что если ничего не будет сделано, революция разразится в 1836 г. (Фотий, 1896). Менее удачлив был Ф. В. Булгарин, который, находясь в конфликте с «Отечественными записками», попытался добиться жестких мер против журнала, обвинив его в революционной пропаганде. Он писал Л. В. Дубельту, что издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский в «подарок Наследнику» хочет тайно «приготовить целое поколение к революции» своим мнимо благонадежным изданием (Булгарин, 1998: 498).

Однако следует отметить, что революция в то время не всегда представлялась безусловным и очевидным злом. Например, русская калька «революции» — «переворот» — в первой половине XIX в. стала употребительным обозначением для любых более-менее значительных изменений в жизни конкретного человека, в обществе или в государстве (Виноградов, 1999: 450). Хотя это слово гораздо реже, чем отчетливо

иностранный «революция», обнаруживало опасные для властей коннотации, его значение, тем не менее, очевидно имело связь с европейскими революционными событиями.

Кроме того, сами Романовы своей решительной политикой и склонностью к радикальным преобразованиям, которую демонстрировали некоторые представители этой династии, нередко напоминали современникам революционеров. Как заметил в 1834 г. Пушкин в разговоре с великим князем Михаилом Павловичем, «все Романовы революционеры и уравниатели» (Пушкин, 1962: 339). Образ революционера на троне был не просто приемлемым и дозволенным, он также мог обладать определенной привлекательностью, ведь сильная и независимая власть нередко представлялась залогом того, что необходимые стране прогрессивные преобразования воплотятся в жизнь, преодолев инертность и консерватизм подданных³.

Новый толчок размышлениям о реформе и революции был дан с началом царствования Александра II (Власть и реформы, 2006: 260–312). Тогда риторика прогресса была реабилитирована и взята на вооружение правительством. Якобы сам Александр II не любил этого слова и даже на докладе министра финансов П. Ф. Брока рядом с выражением «прогресс гражданственности» сделал пометку: «Что за прогресс!!! прощу слова этого [sic!] не употреблять в официальных бумагах» (Письмо к редактору, 1858: 206). Тем не менее, сама идея активно использовалась; власти декларировали прогресс как одну из главных целей политики, для достижения которой требовалось проведение реформ.

Тридцатого марта 1856 г. Александр II произнес речь перед представителями московского дворянства, в которой он говорил о враждебных чувствах между крестьянами и помещиками и случаях неподчинения крестьян. Император заявил, что крепостное право должно измениться, еще не упоминая о необходимости его отмены. Это выступление завершилось известными словами: «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» (Речь Александра II, 1916: 393). Таким образом, он противопоставил насильственные попытки изменения, исходящие «снизу», то есть революцию, мирным преобразованиям, которые проводятся правительством, — реформе.

С одной стороны, говоривший о пагубности революций Александр продолжал старую традицию. С другой — в его словах была скрыта важная новация. Революция представлялась ему не просто антиподом

³См.: Захарова, 1984: 34; Литвак, 1991: 281.

реформы, но ее стимулом и движителем. Признаки надвигающейся революции должны были не напугать правительство и заставить его перейти к охранительной политике, но, напротив, скорее стимулировать его проводить те преобразования, на необходимость указывала революция. Таким образом, за причинами и/или целями революции признавалась некоторая легитимность, которая связывала ее с реформой.

Сам император словами о возможной угрозе революции сильно поднял ставки. Теперь все правительственные меры проводились не ради конкретных и не всегда значительных улучшений; действия властей приобретали эпический размах: правительство реформировало, чтобы избежать кровавой революции и невиданных потрясений. Торговля страхами не была исключительной прерогативой властей: подобная аргументация была подхвачена в публичной сфере. Из инструмента для усиления позиции правительства она стала способом давления на него.

Призывы к властям провести «реформу», чтоб предотвратить «революцию», получили некоторое распространение в те годы.⁴ В лондонских изданиях А. И. Герцена и Н. П. Огарева — прежде всего, в их газете «Колокол» — можно обнаружить рассуждения о том, что в России возможны потрясения и насилие, если власти не осуществят определенную, социалистическую по своей сути программу преобразований. В одном из адресов к императору, помещенных в «Колоколе», говорилось: «Державным словом В[ашего]. И[мператорского]. В[еличества]. об освобождении крестьян Россия пробуждена к новой жизни. Это поворот в истории нашего отечества. Ему предстояло два пути развития: один — мирный и правомерный; другой — путь насилий, борьбы и печальных последствий» (Адрес Государю, 1860: 496)⁵.

Либерал К. Д. Кавелин писал своему товарищу Б. Н. Чичерину: «Вы, я, все мы без исключения убеждены в том, что если правительство не проведет реформы мерами административными, то она совершится путем революции» (Чичерин, 2010: 398). Эта идея была столь важна для Кавелина, что он мог говорить о ней даже с членами императорской фамилии. В дневнике он записал свой разговор с императрицей Марией Александровной, которая пригласила его на место учителя для наследника. Мария Александровна, среди прочего, спрашивала его

⁴См.: Китаев, 1972.

⁵Сходные примеры см.: Реформа сверху или реформа снизу?, 1858: 225–231; Проект князя Гагарина, 1859: 285–287; Адрес, 1926: 36–38.

о политических взглядах, на что «с большим жаром, с большою откровенностью» профессор ответил, что одним из главных его убеждений является то, что революция неминуема и совершенно оправдана, если правительство не проводит реформу (Кавелин, 1898: 1175).

Этой же теме было посвящено стихотворение В. Р. Зотова «Шарманка» (1856 г.)⁶. В нем говорилось о Николае I, старике-шарманщике, который играл тридцать лет, постоянно откладывая починку износившегося инструмента. В итоге обязанность отремонтировать шарманку легла на сына, унаследовавшего ремесло отца. Автор, обращаясь к молодому шарманщику, Александру II, просил его быстрее починить инструмент, пока тот не порвался:

Ведь починка труд большой,
А на век мой станет!
Да и внутрь шарманки той
Вряд ли кто заглянет!
Так шарманщик рассуждал —
Видно, что дубина;
И шарманку ту звалили
Он на плечи сына.
Сын справляет день и ночь
Старую работу,
Хоть вертеть ему невзможь
Да и не в охоту,

В том труде не быть пути,
Так и жди — порвется,
И уж как ты ни верти,
А чинить придется.
Благо есть теперь досуг,
Взяться бы за разум,
Хуже будет, если вдруг
Распадется разом,
Если ты под звук заснешь
Льстивого напева,
Иль, забывшись, повернешь
Справа да налево.

(Зотов, 1857: 42)

Хотя разница двух концептов была, на первый взгляд, очевидной и у каждого из них была определенная роль в политическом дискурсе того времени, ситуация была далека от однозначности. «Революция» и «реформа», как уже говорилось, изначально имели довольно близкое значение. Кроме того, в эпоху Александра II большее, чем прежде, распространение получила традиция видеть в императоре революционера на троне. Реформы часто назывались «переворотами»: этим говорящий мог подчеркивать глубину и важность осуществляющихся преобразований, а также смелость и решительность царя и его приближенных. Слово «переворот» применительно к реформам правительства встречалось даже в документах, поданных императору⁷.

⁶Стихотворение долгое время ошибочно приписывалось Н. А. Некрасову.

⁷Записка без подписи о борьбе с революционным движением России и о необходимости созыва «совещательного собрания государственных гласных». ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 639.

Особенно далеко зашли левые авторы, которые делали многое, чтобы еще больше размыть границу «революции» и «реформы». Они разделяли веру в то, что альтернативой мирным правительственным преобразованиям являются восстания и насильственные перевороты. Однако они зачастую предпочитали называть правительственные меры «революцией», а не «реформой». Так, редакторы «Колокола», одного из главных изданий этого направления, стремились подчеркнуть «революционную» скорость и глубину преобразований, к которым они призывали. Утверждая, что в России должна произойти именно «самодержавная революция» (Герцен, 1958а: 216), а не чисто правительственная реформа, они противопоставляли ее неким недостаточным, половинчатым переменам. Герцен предостерегал правительство от изменений одних только государственных учреждений, «фасада» империи. По его мнению, преобразования должны были затронуть все общество, что означало вовлечение в них простого народа (Герцен, 1958с: 240).

Полноценное компаративное исследование не входит в задачи настоящей статьи, но нельзя не указать на то, что Герцен и его сотрудники, по всей видимости, были осведомлены о сходных идеях П.-Ж. Прудона и его последователей, считавших Наполеона III потенциальным революционером на троне (Proudhon, 1852). Так же о мирной «революции» через законотворчество говорили прудонисты, надевшиеся, что необходимые меры по обустройству быта крестьян и рабочих будут приняты через палату депутатов (Weill, 1924: 125).

В России, как и во Франции, существовала некоторая почва для развития подобных идей. После объявления о новом реформаторском курсе в 1857 г. правительство искало поддержки, поэтому некоторые ранние инициативы представителей левого направления общественной мысли были восприняты достаточно благосклонно. Издания Герцена имели некоторый вес при дворе, в обществе и в редакционных комиссиях, готовивших отмену крепостного права⁸. Также примечателен тот факт, что Александр II одобрительно отнесся к довольно рискованному проекту крестьянской реформы, который в 1858 г. ему подал будущий

⁸Е. А. Штакеншнейдер записала в своем дневнике в 1857 г.: «Искандер теперь властитель наших дум, предмет разговоров. [...] Колокол прячут, но читают все; говорят, и государь читает. Корреспонденции получает Герцен отовсюду, из всех министерств и, говорят, даже из дворцов. Его боятся, им восхищаются» (Штакеншнейдер, 1934: 160). В Редакционной комиссии по указанию В. Я. Ростовцева «Колокол» использовался для справок (Семенов, 1889: 114).

политический эмигрант, А. А. Серно-Соловьевич⁹. Все это порождало определенные ожидания в левой среде.

Постепенно приобретала поддержку точка зрения, что император должен стать «народным», «земским» царем, демократическим лидером, который разрушит сословные перегородки и бюрократическое средостенье, отделяющее его от «народа» (Огарев, 1858: 91–98). Следуя за установившейся в России традицией, Герцен и Огарев сравнивали царя с революционерами и народными вождями прошлого, причем, как кажется, они шли куда дальше, чем это было принято. Это вызывало негативную реакцию среди консервативно настроенных сторонников правительства. Например, цензор Н. В. Елагин посвятил специальный разбор сравнения Александра II и его предшественников с революционерами в изданиях «Вольной русской типографии». Елагин считал это попыткой навязать императорской власти, отличавшейся всегда «государственной мудростью», несвойственную ей роль демократического ниспровергателя устоявшегося порядка (Елагин, 1859: 247).

Существующая оппозиция «реформа или революция» была переформирована: мирная революция, проведенная царем, ставшим народным трибуном, — или кровавый переворот, если царь и правительство не решатся на необходимые меры. М. А. Бакунин замечал: «Итак, не в том вопрос, будет ли или не будет революция, а в том: будет ли исход ее мирный или кровавый?» (Бакунин, 1920: 79).

Сближение «реформы» и «революции» создавало несколько проблем, которые нуждались в решении. Во-первых, «революция» в политической риторике использовалось часто в крайне негативном контексте. Во-вторых, не все были согласны с тем, что это понятие вообще подходит для описания прошлого или будущего России, сильно отличавшейся от Франции и других стран, где имели место соответствующие события. Чтобы оправдать применение к российским реалиям слова и понятия «революция», а также показать, что у них есть своя положительная сторона, Герцен написал статью под названием «Революция в России». В ней он доказывал, что «революция» не всегда обозначает

⁹После того, как Серно-Соловьевич, подкараулив государя в Царскосельском парке, передал ему свою рукопись, его вызвали к графу А. Ф. Орлову, бывшему начальнику Третьего отделения. Тот обратился к пришедшему со словами: «Мальчишка, знаешь ли, что сделал бы с тобой покойный государь, Николай Павлович, если бы ты осмелился подать ему записку? Он упрятал бы тебя туда, где не нашли бы костей твоих. [...] А государь Александр Николаевич добр, потому что приказал тебя поцеловать. Целуй меня» (Лемке, 1908: 43–44).

насильственные преобразования, и поэтому этого слова и обозначаемых им событий не стоит бояться:

Мы так привыкли видеть с 1789, что все перевороты делаются взрывами, восстаниями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шаг вперед берется с боя, — что невольно ищем, когда речь идет о перевороте, площадь, баррикады, кровь, топор палача. Без сомнения, восстание, открытая борьба — одно из самых могущественных средств революций, но отнюдь не единственное (Герцен, 1958d: 21).

Важной чертой «революции», которую оправдывали лондонские издатели, было то, что она являлась действительно демократическим событием. Говоря о ней, они имели в виду, что она должна стать плодом сотрудничества «народа» и правительства. В их работах выразилось мысль, что преобразования требуют гражданского участия представителей всех сословий, включая бывших крепостных. Эта идея в целом была характерна для дискурса Великих реформ (Viise, 2000: 555), но в работах лондонских издателей она была доведена до логического предела.

Этот дискурс, впрочем, никогда не был унифицированным. Используя слово и понятие «реформа» подчас предполагали исключительную роль правительства, а сама «реформа» представлялась им даром, который переходит от властей к пассивным подданным-реципиентам, тем самым подчеркивая неравенство и обязанное положение последних¹⁰. Так ее характеризовал один из оппонентов Герцена, Кавказский епископ Игнатий (Брянчанинов) в феврале 1860 г. Игнатий подчеркивал, что реформа является даром царя народу, единственной реакцией на который может быть благодарность.

Радикалы, считал Игнатий, стремились сделать преобразования совместным предприятием, влиять на власти, тем самым став активными участниками реформы. Они также пытались втянуть в это низшие сословия, на которые воздействовали при помощи пропаганды. Епископ писал:

Окончим эти печальные замечания искренним сердечным желанием, чтоб крестьянский вопрос решился благополучно к радости и счастью народа и Царя, без беспорядков, без потрясений Государственных, чтоб звон заграничного яacobинского колокола и других яacobинских колоколов и колокольчиков не возмутил спокойствия народного, чтоб свобода помещичьих крестьян была для них и всей России даром Царя, а не следствием замыслов, планов, возгласов яacobинских (Игнатий, 1913: 207).

¹⁰См.: Уортман, Житомирская, 2004: 103–112.

Одним из наиболее ярких выразителей идеи реформы как дара стал историк М. П. Погодин, написавший ряд статей в преддверии объявления манифеста (Барсуков, 1904: 37–38). В них он обращался к крестьянам на нарочито простом, «народном» языке. Целью Погодина было предотвратить возможные эксцессы и беспорядки в момент обнародования условий реформы. Для этого он напоминал читателям, что реформа является даром монарха, за который они должны быть благодарны:

Русские люди! Русские люди! На колени! Молитесь Богу, благодарите Бога за это высокое, несравненное счастье, всем нам ниспосылаемое, за это беспримерное в летописях ощущение, которое всех нас ожидает, за эту великолепную страницу, которую украшается отечественная история! (Погодин, 1861: 1–2)

Погодин рисовал картину одного из грядущих воскресений, когда будет объявлен манифест. Крестьяне наденут праздничные синие кафтаны, пригладят волосы квасом и вместе с женами и детьми пойдут в церковь, где причастятся святыми дарами и получают волю. Изображенная Погодиным картина граничила с ересью, так как хлеб и вино в этот раз, по его словам, должны будут превратиться не в плоть и кровь Христову, а в плоть и кровь Александра Николаевича, которой причастятся его подданные: «О! по какому низкому, сердечному поклону положут все они в землю одним духом, когда диакон, выходя со святыми дарами, произнесет: Благочестивейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя Александра Николаевича» (там же: 13).

Религиозные образы в текстах Погодина были довольно типичны для своего времени. Также довольно популярным было сравнение отмены крепостного права с Пасхой, искуплением прошлого греха (Раренго, 1991). Несмотря на это, патетический тон статей Погодина вызвал осторожную критику в легальной прессе. Один из журналистов заметил, что «от великого до смешного один шаг» (Русский инвалид, 1861а: 205). Герцен отозвался гораздо более резко, назвав статьи Погодина «детским бредом». Он не был согласен с предложенной Погодиным картиной благодарного Богу, царю и помещикам народа. Относительное спокойствие крестьян он объяснял терпением, а не благодарностью:

После вековых страданий, — страданий, превзошедших всю меру человеческого долготерпения, занялась заря крестьянской свободы. Путаясь перевязанными ногами, ринулась вперед, насколько веревка позволяла, наша литература; нашлись помещики, нашлись чиновники, отдавшие всем телом и духом великому делу; тысячи и тысячи людей ожидали с трепетом сердца

появления указа: нашлись люди, которые, как М. П. Погодин, принесли наибольшую жертву, которую человек может принести, — пожертвовали здравым смыслом и до того обрадовались манифесту, что стали писать детский бред (Герцен, 1958b: 135–136).

В прессе в момент обнародования манифеста действительно была заметна позиция, сходная с погодинской. Объявленное освобождение крестьян описывалось как «милость» царя, на которую народ ответил благодарностью и молитвой (Русский инвалид, 1861b: 214). Фельетонист «Русского инвалида» напоминал читателю, комментируя реакцию петербуржцев на появление манифеста и положений о крестьянах, что «Власть создала русскую землю», и что Россия должна быть и впредь «достойна попечения» монарха (Русский инвалид, 1861c: 229).

За даром царя, сделавшим крестьян должниками, ожидаемо последовали ответные подарки, которые, конечно, не могли полностью вернуть символический долг и скорее подчеркивали его. Так, депутаты от московских фабричных и заводских временнообязанных обратились к Александру в мае 1861 г. во время его визита в Москву с речью, которая вскоре была опубликована: «ОТЕЦ ОСВОБОДИТЕЛЬ! Благодарим Тебя, Государь, за великие твои милости, за дарованную нам Тобою свободу. Денно и ночью молим мы за Тебя, молят наши жены и дети, и будут молить внуки и правнуки». Они поднесли ему хлеб-соль, серебряные солонки, а также позолоченное серебряное блюдо. Оно имело около аршина (71 см) в диаметре и было украшено чеканными орнаментами. Надпись на нем гласила: «Царю-освободителю Александру II» (Русский инвалид, 1861d: 473). Из других инициатив подобного рода можно привести также сбор средств на постройку в Москве церкви в честь Александра Невского (Погодин, 1861: 50–77).

В целом, однако, ситуация была далеко не такой благополучной, как могло показаться. После 19 февраля 1861 г. в России происходили события, которые, как считали некоторые, приближали страну к революции. Весной 1861 г. в ряде губерний произошли крестьянские волнения (самым известным стало восстание в селе Бездна Казанской губернии); осенью 1861 г. в Москве и Петербурге начались беспорядки среди учащейся молодежи. В дворянской среде быстро развивался конституционализм; правительство также было озабочено тем, какое широкое распространение получили революционные прокламации. Главноуправляющий Третьим отделением Собственной Е. И. В. канцелярии В. А. Долгоруков в поданном в 1862 г. отчете за истекший год писал,

что вышеперечисленные выступления могут свидетельствовать о «зрелости России к политическому перевороту». Все они рассматривались Долгоруковым как потенциальные причины для революции, о начале которой, тем не менее, по его мнению, говорить было еще рано (Россия под надзором, 2002: 550–562).

Сам Александр II также видел в происходящем первые шаги революции, которые, как он полагал, требуют решительного и жесткого ответа правительства (Громова, 1994: 103). Предложенная им в 1857 г. формула, как представляется, после 1861 г. все больше утрачивала свое значение. Реформа все реже изображалась продолжением революции другими средствами. О перспективе революции чаще заговаривали для оправдания консервативных мер, а не дальнейших реформ.

Так как граница между революцией и реформой была уже довольно размытой, возникала потребность артикулировать разницу между двумя понятиями. С началом 1860-х гг. стали особенно частыми предостережения от «ультрапрогрессизма» и уточнения, что поддерживать стоит не всякое стремление к прогрессу, но только «истинный прогресс» (Никитенко, 1955: 76) и «разумно либеральное направление» (Нынешнее состояние..., 1868: 46).

Характерный пример содержится в объявлении, рекламирующем иллюстрированный ежегодник «Северное сияние». Его издатель В. Е. Генкель указывал, что за подписку полагается подарок, — частый ход издателей того времени, — гравюра большого формата авторства А. Е. Бейдемана. Она была посвящена отмене крепостного права и другим событиям начала царствования Александра II. На гравюре, отличавшейся сложной и многоуровневой композицией, были изображены представители разных сословий и жители различных областей империи. Над ними на мраморном пьедестале, украшенном гербами, стояла «благословляющая Россия», красивая женщина в традиционном русском наряде. За ней был помещен молодой русский крестьянин со знаменем в руках. У пьедестала был виден камень с надписью «Император Александр II, 19 февраля 1861 года, 23 миллиона русского народа освободил от крепостного состояния». Под камнем во мраке виднелись символы уничтожения рабства: сломанное ярмо, хомут, цепи, веревки и т. д. Рядом с ними Бейдеман изобразил в напоминание о победе над Шамилем летящее в бездну оружие горцев, а также атрибуты уничтожения винного откупа. На заднем плане были помещены символизировавшие эпоху модерна корабли, паровозы и фабрики, с которыми соседствовали

православные храмы. Над всем этим виднелась радуга и парил белый голубь с оливковой ветвью.

Генкель писал, что главными предметами, изображенными на гравюре, являются «свобода, равенство и братство», которые Александр II в ходе реформ даровал своим подданным. Издатель, однако, предостерегал от неверного толкования этих слов, которые, по его убеждению, не обладали «тем значением, которое придавали им французы в своих революциях». Вместо этого он предлагал их понимать «как мы, русские, их, понимаем, в смысле настоящем, мирном, христианском» (С.-Петербургские ведомости, 1862: 975).

Сравнение реформы с «революцией» или «переворотом» делалось рутинным и потому могло вызывать иронию. Следующую эпиграмму об отставке сенатора В. А. Цеэ В. П. Боткин сообщил И. С. Тургеневу в своем письме 1863 г.:

Еще переворот! Цензура при конце!
Отсечена глава у сей великой дуры:
Уволен от нее Сенатор мудрый Це
И стала уж она ензурой из цензуры.

(Боткин, 1930: 179)

Также постепенно утратила популярность сближавшая революцию и реформу концепция «революции сверху». Консервативный курс правительства, обозначившийся после польского восстания в 1863 г. и усилившийся с покушением Д. В. Каракозова на царя в 1866 г., сделал очевидным, что адресат не склонен принять предложенное. Не вполне когерентная левой традиции и бесполезная в тот момент «революция сверху» на время была оставлена, чтобы снова появиться в российском общественном дискурсе лишь спустя 50 лет. В радикальной среде распространялось убеждение, что невозможно действовать в союзе с правительством и помогать осуществлению «мишурно-либеральных реформешек или нововвведенщиц»¹¹. Революция из предложения снова становилась угрозой властям. Время семантических экспериментов и сближений закончилось, «революция» укрепилась в статусе антонима «реформы», подчеркивавшего различие между лояльными властям либералами и радикалами-революционерами.

¹¹Выражение С. Г. Нечаева (Народная расправа, 1869: 4).

«Революция» на протяжении первой половины XIX в. была полузапретным понятием. Власть в России, что было очевидно для некоторых современников, имела некоторые «революционные» черты, так как она нередко претворяла в жизнь радикальные и бескомпромиссные решения; но, несмотря на это, из-за ассоциаций с Великой Французской революцией обсуждение перспектив революции в России не поощрялось правительством. Ситуация во многом изменилась с наступлением эпохи реформ.

На начальном этапе реформ Александра II представители различных политических направлений искали подходящие дискурсы для описания происходящих изменений, а также для оправдания своих собственных программ. Значительную роль в этом процессе играла существовавшая оппозиция «революции» и «реформы». Важным ее свойством было то, что революция считалась не только противоположностью реформы: признавалось, что у революции и реформы общие цели, и потому первая является стимулом для второй.

Все это сделало революцию чем-то большим, чем просто устрашающим негативным сценарием, которым она была раньше. «Реформа» и «революция» сближались, что легитимировало не только первое понятие, но и второе. Особенно далеко в сближении этих концептов пошли левые участники дискуссии, которые создали концепцию революции сверху — мирных изменений, производимых властью и носящих коренный и демократический характер. Спустя несколько лет разочарование в способности правительства возглавить подобную революцию привело к отказу от этой концепции. Вместе с этим представители власти и умеренная часть общественности перестали видеть в реформе альтернативу революции, объединенную с ней близкими целями. «Реформа» становилась все более самостоятельным понятием, не нуждавшимся в отсылках к «революции».

Однако произошедшее не означало полного возврата к прежнему положению вещей. С одной стороны, в стране возникло и окрепло революционное движение, что создавало новое пространство для дальнейшего развития соответствующего понятия. С другой стороны, сам факт публичной дискуссии сделал «революцию» — пусть в виде негативной альтернативы. Тем самым он помог «революции» закрепиться в качестве легитимного элемента политического языка.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ Государственный архив Российской Федерации.

ИСТОЧНИКИ

- Адрес // Прокламации шестидесятых годов. — М. : Московский рабочий, 1926. — С. 36–38.
- Адрес Государю // Колокол. — 1860. — № 60. — С. 495–496.
- Бакунин М. А.* Народное дело // Избранные сочинения : в 5 т. Т. 3. — Петроград, М. : Голос труда, 1920. — С. 75–91.
- Боткин В. П.* Письмо И. С. Тургеневу 6 июня 1863 г. // В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. — М. : Academia, 1930. — С. 175–179.
- Булгарин Ф. В.* Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-летие // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / под ред. А. И. Рейтблата. — М. : Новое литературное обозрение, 1998. — С. 490–499.
- Герцен А. И.* 1860 год // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. — М. : Издательство АН СССР, 1958a. — С. 214–225.
- Герцен А. И.* Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 15. — М. : Издательство АН СССР, 1958b. — С. 133–138.
- Герцен А. И.* От редакции // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. — М. : Издательство АН СССР, 1958c. — С. 238–244.
- Герцен А. И.* Революция в России // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 13. — М. : Издательство АН СССР, 1958d. — С. 21–29.
- [*Елагин Н. В.*] Искандер Герцен. — Берлин : Типография Карла Шульце, 1859.
- Зотов В. Р.* Шарманка // Колокол. — 1857. — № 5. — С. 42.
- Игнатий [Брянчанинов].* Замечания на отзыв журнала «Колокол» к Кавказскому Епископу Игнатию // Богословский вестник. — 1913. — № 2.
- Кавелин К. Д.* Из дневника // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 / под ред. В. Д. Спасовича. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1898.
- Народная расправа. — 1869.
- Никитенко А. В.* Дневник : в 3 т. Т. 2 / под ред. И. Я. Айзенштока. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1955.
- Нынешнее состояние России и заграничные русские деятели. — 2-е изд. — Берлин : Behr's Buchhandlung (E. Vock.), 1868.
- Огарев Н. П.* Русские вопросы. Преобразование чиновничества // Колокол. — 1858. — № 12. — С. 91–98.
- Письмо к редактору // Колокол. — 1858. — № 25. — С. 201–208.
- Погодин М. П.* Красное яичко для крестьян от М. Погодина. — СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1861.
- Проект князя Гагарина // Колокол. — 1859. — № 35. — С. 285–287.

- Пушкин А. С.* Дневник 1833–1835 гг. // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1962. — С. 312–342.
- Реформа сверху или реформа снизу? // Колокол. — 1858. — № 28. — С. 225–231.
- Речь Александра II, произнесенная им 30 марта 1856 г. перед Московским губернским и уездным предводителями дворянства // Голос минувшего. — 1916. — № 5/6. — С. 393.
- Россия под надзором : отчеты III отделения (1827–1869) / сост. М. В. Сидоровой, Е. И. Щербаковой. — М. : Российский Фонд культуры и др., 2002.
- Русский инвалид. — 1861a. — № 51.
- Русский инвалид. — 1861b. — № 53.
- Русский инвалид. — 1861c. — № 57.
- Русский инвалид. — 1861d. — № 116.
- С.-Петербургские ведомости. — 1862. — № 229.
- Чичерин Б. Н.* Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Москва сороковых годов. Путешествие за границу. — М. : Издательство им. Сабашниковых, 2010.
- Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки. — М. : Academia, 1934.
- Proudhon P.-J.* La révolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre. — Paris : Garnier frères, 1852.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. Т. 18. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1904.
- Виноградов В. В.* История слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1999.
- Власть и реформы : от самодержавной к Советской России / под ред. Б. В. Ананьич. — М. : ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006.
- Громова Л. П.* А. И. Герцен и русская журналистика его времени. — СПб. : Издательство СПбГУ, 1994.
- Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. — М. : Издательство Московского университета, 1984.
- Китаев В. А.* От фронды к охранительству : из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. — М. : Мысль, 1972.
- Лемке М. К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». — СПб. : Издательство О. Н. Поповой, 1908.
- Литвак Б. Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. — М. : Политиздат, 1991.
- Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2012.
- Семенов Н. М.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II : в 3 т. Т. 1. — СПб. : Издание М. Е. Комарова, 1889.
- Словарь основных исторических понятий : избранные статьи. В 2 т. Т. 1. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr,

- Bürgerkrieg) / Н. Бульст [и др.] ; сост. Ю. Зарецкого, К. Левинсона, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсон. — М. : НЛЮ, 2014. — С. 520–728.
- Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. С.В. Житомирской. — М. : ОГИ, 2004.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. — М. : Институт русской цивилизации, 2009.
- Фотий (Спаский) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 36. — СПб. : Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1896. — С. 396–398.
- Hindess B. Reform and Revolution // New Keywords: A Revised Vocabulary of Culture and Society. — Oxford : Blackwell, 2005. — P. 300–304.
- Koselleck R. Preussen zwischen Reform und Revolution : Allgemeines Landrecht, Verwaltung u. soziale Bewegung von 1791 bis 1848. — Stuttgart : Klett, 1967.
- Koselleck R. Historical Criteria of the Modern Concept of Revolution // Futures Past : On the Semantics of Historical Time. — New York : Columbia University Press, 2004. — P. 43–57.
- Paperno I. The Liberation of the Serfs as a Cultural Symbol // The Russian Review. — 1991. — Vol. 50, no. 4. — P. 417–436.
- Skinner Q. Retrospect: Studying Rhetoric and Conceptual Change // Visions of Politics. In 3 vols. Vol. 1. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — P. 175–187.
- Viise M. Filaret Drozdov and the Language of Official Proclamations in Nineteenth-Century Russia // The Slavic and East European Journal. — 2000. — Vol. 44, no. 4. — P. 553–582.
- Weill G. Histoire du Mouvement Social en France (1852–1924). — Paris : Librairie Felix Alcan, 1924.

Il'in, A. A. 2018. "Revolyuetsiya i reforma: sootnosheniye ponyatiy v pervyye gody Velikikh reform [Revolution and Reform: Relationship between the Concepts in the Early Years of the Great Reforms]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 11 (2), 13–32.

ANDREY IL'IN

PHD STUDENT AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

REVOLUTION AND REFORM: RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS IN THE EARLY YEARS OF THE GREAT REFORMS

Abstract: The article examines the place of the concepts *revolution* and *reform* in the political discourse in the first years of the Great reforms in Russia. *Revolution* was considered as a worst case scenario, so the menace of it was an effective argument against one or another decision or policy from the moment the concept had appeared in 1790s. The paper shows that the situation changed to some extent at the beginning of Alexander II's reign. Menace

of revolution was used at that time in order to justify reforms. Those who spoke on behalf of the government referred to the possible revolutions; their opponents spoke about revolutions, intending to exert pressure on the statesmen and to promote their own ideas and plans. It was acknowledged that *revolution* and *reform* had common goals. Although the concepts were opposites in many ways, *revolution* and *reform*, they were starting to drift together. Conception of *revolution from above* developed by the leftist journalists such as A. I. Herzen or N. P. Ogarev was a vivid manifestation of this trend. It meant that transformations carried out by authorities had to be fundamental, meet the people's interests and require its participation. Yet, these tendencies were not sustainable. The article concludes that semantic experiments and convergence at the beginning of the Great Reforms were connected with the ambiguity of the government's status in emerging circumstances and also with the unsettled character of the public sphere. An opposition between *revolution* and *reform* became more and more apparent during the 1860s. Conception of *revolution from above* was abandoned by the leftist authors. *Revolution* and *reform* became tools for political demarcation between the revolutionary movement and liberal supporters of the government. *Revolution* lost its previous role, but found a new legitimate place in public discussion, although usually as only a negative and threatening scenario.

Keywords: Revolution, Reform, the Great Reforms, Herzen, Alexander II of Russia.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-13-32.

REFERENCES

- "Adres [Address]" [in Russian]. 1926. In *Proklamatsii shestidesyatykh godov [Proclamations of the Sixties]*, 36–38. Moskva [Moscow]: Moskovskiy rabochiy.
- "Adres Gosudaryu [Address to the Sovereign]." 1860 [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 60: 495–496.
- Anan'ich, B. V., ed. 2006. *Vlast' i reformy [Power and Reforms]: ot samoderzhavnoy k Sovet-skoj Rossii [From Autocratic to the Soviet Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: OLMA-PRESS Ekslibris.
- Bakunin, M. A. 1920. "Narodnoye delo [People's Cause]" [in Russian]. In *Izbrannyye sochine-niya [Selected Works]*, 3:75–91. Petrograd and Moskva [Moscow]: Golos truda.
- Barsukov, N. P. 1904. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina [Life and Work of M. P. Pogodin]* [in Russian]. Vol. 18. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Botkin, V. P. 1930. "Pis'mo I. S. Turgenevu 6 iyunya 1863 g. [Letter to I. S. Turgenev, 6 June 1863]" [in Russian]. In *V. P. Botkin i I. S. Turgenev. Neizdannaya perepiska 1851–1869 [V. P. Botkin and I. S. Turgenev. Unpublished Letters]*, 175–179. Moskva [Moscow]: Academia.
- Bulgarin, F. V. 1998. "Sotsializm, kommunizm i panteizm v Rossii, v posledneye 25-letiyе [Socialism, Communism and Pantheism in Russia in the Recent 25 Years]" [in Russian]. In *Vidok Figlyarin: pis'ma i agenturnyye zapiski F. V. Bulgarina v III otdeleniye [Vidocq Figlyarin: Letters and Agent Notes by F. V. Bulgarin for the 3rd Section]*, ed. by A. I. Reytblat, 490–499. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Chicherin, B. N. 2010. *Moskva sorokovykh godov. Puteshestviye za granitsu [Moscow of the 1840s. Travelling Abroad]* [in Russian]. Vol. 1 of *Vospominaniya [Memories]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh.
- Florovskiy, G. V. 2009. *Puti russkogo bogosloviya [Paths of Russian Theology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut russkoy tsivilizatsii.

- “Fotiy (Spasskiy) [Photius Spassky]” [in Russian]. 1896. In *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgausa i Yefrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]*, 36:396–398. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Semenovskaya tipolitografiya (I. A. Yefrona).
- Gertsen, A. I. [Herzen, A. I.] 1958a. “1860 god [Year 1860]” [in Russian]. In vol. 14 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 214–225. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- . 1958b. “Iskopayemuyu yepiskop, dopotopnoye pravitel'stvo i obmanutyy narod [Fossilized Bishop, Prehistoric Government, and Fooled People]” [in Russian]. In vol. 15 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 133–138. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- . 1958c. “Ot redaktsii [Editor's Note]” [in Russian]. In vol. 14 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 238–244. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- . 1958d. “Revolyutsiya v Rossii [Revolution in Russia]” [in Russian]. In vol. 13 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 21–29. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Gromova, L. P. 1994. *A. I. Gertsen i russkaya zhurnalistika yego vremeni [Alexander Herzen and the Russian Journalism of His Time]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo SPbGU.
- Hindess, B. 2005. “Reform and Revolution.” In *New Keywords: A Revised Vocabulary of Culture and Society*, 300–304. Oxford: Blackwell.
- Ignatiy [Bryanchaninov]. 1913. “Zamechaniya na otzyv zhurnala ‘Kolokol’ k Kavkazskomu Yepiskopu Ignatiyu [Comments on the Review from ‘The Bell’ Journal for Ignatius, the Bishop of Kazan]” [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Herald of Theology]*, no. 2.
- Kavelin, K. D. 1898. “Iz dnevnika [From the Diary]” [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by V. D. Spasovich, vol. 2. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Kitayev, V. A. 1972. *Ot frondy k okhranitel'stvu [From Fronde to Conservatism]: iz istorii russkoy liberal'noy mysli 50–60-kh godov XIX veka [From the History of the Russian Liberal Thought of 1850–60-s]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Koselleck, R. 1967. *Preussen zwischen Reform und Revolution: Allgemeines Landrecht, Verwaltung u. soziale Bewegung von 1791 bis 1848* [in German]. Stuttgart: Klett.
- . 2004. “Historical Criteria of the Modern Concept of Revolution.” In *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, 43–57. New York: Columbia University Press.
- Lemke, M. K. 1908. *Ocherki osvoboditel'nogo dvizheniya “shestidesyatykh godov” [Essays on the History of Liberation Movement of the “Sixties”]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo O. N. Popovoy.
- Litvak, B. G. 1991. *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaya al'ternativa [The Revolution of 1861 in Russia: Why the Reformist Alternative Was Not Realized]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Narodnaya rasprava [People's Justice]* [in Russian]. 1869.
- Nikitenko, A. V. 1955. *Dnevnik [Diary]* [in Russian]. Ed. by I. Ya. Ayzenshtoka. Vol. 2. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
- Nyneshneye sostoyaniye Rossii i zagranichnnyye russkiye deyateli [Russian Thinkers Abroad and the Current State of Russia]* [in Russian]. 1868. 2nd ed. Berlin: Behr's Buchhandlung (E. Bock.)
- Odesskiy, M. P., and D. M. Fel'dman. 2012. *Poetika vlasti. Tiranoborchestvo. Revolyutsiya. Terror [Poetics of Power. Tyrannicide. Revolution. Terror]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Ogarev, N. P. 1858. “Russkiye voprosy. Preobrazovaniye chinovnichestva [Russian Questions. Transformation of Bureaucracy]” [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 12: 91–98.
- Paperno, I. 1991. “The Liberation of the Serfs as a Cultural Symbol.” *The Russian Review* 50 (4): 417–436.

- “Pis'mo k redaktoru [A Letter to the Editor].” 1858 [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 25: 201–208.
- Pogodin, M. P. 1861. *Krasnoye yaichko dlya krest'yan ot M. Pogodina [A Little Red Egg for the Peasants from M. Pogodin]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
- Proudhon, P.-J. 1852. *La révolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre* [in French]. Paris: Garnier frères.
- “Proyekt knyazyza Gagarina [Prince Gagarin's Project].” 1859 [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 35: 285–287.
- Pushkin, A. S. 1962. “Dnevnik 1833–1835 gg. [Diary. 1833–1835]” [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 7:312–342. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
- “Rech' Aleksandra II, proiznesennaya im 30 marta 1856 g. pered Moskovskim gubernskim i uyezdnym predvoditelyami dvoryanstva [Speech of Alexander II, Which He Gave for the Leaders of Moscow Provincial and County Nobility].” 1916 [in Russian]. *Golos minuvshego [Voice of the Past]*, nos. 5–6: 393.
- “Reforma sverkhu ili reforma snizu? [Reform from Above or Reform from Below?].” 1858 [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 28: 225–231.
- Russkiy invalid [Russian Veteran]*. 1861 [in Russian]. (116).
- Russkiy invalid [Russian Veteran]*. 1861 [in Russian]. (51).
- Russkiy invalid [Russian Veteran]*. 1861 [in Russian]. (53).
- Russkiy invalid [Russian Veteran]*. 1861 [in Russian]. (57).
- S.-Peterburgskkiye vedomosti [Saint Petersburg News]*. 1862 [in Russian]. (229).
- Semenov, N. M. 1889. *Osvobodzheniye krest'yan v tsarstvovaniye imperatora Aleksandra II [Liberation of Peasants During the Reign of Alexander II]* [in Russian]. Vol. 1. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye M. Ye. Komarova.
- Shtakenshneyder, Ye. A. 1934. *Dnevnik i zapiski [Diary and Notes]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Academia.
- Sidorova, M. V., and Ye. I. Shcherbakova, comps. 2002. *Rossiya pod nadzorem [Russia under Supervision]: otchety III otdeleniya (1827–1869) [Reports of Third Section (1827–1869)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskiy Fond kul'tury.
- Skinner, Q. 2002. “Retrospect: Studying Rhetoric and Conceptual Change.” In vol. 1 of *Visions of Politics*, 175–187. 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- Uortman, R. [Wortman, R.] 2004. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]* [in Russian]. Trans. from the English by S. V. Zhitomirskaya. Vol. 2. Moskva [Moscow]: OGI.
- Viise, M. 2000. “Filaret Drozdov and the Language of Official Proclamations in Nineteenth-Century Russia.” *The Slavic and East European Journal* 44 (4): 553–582.
- Vinogradov, V. V. 1999. *Istoriya slov [History of the Words]* [in Russian]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moskva [Moscow].
- Weill, G. 1924. *Histoire du Mouvement Social en France (1852–1924)* [in French]. Paris: Librairie Felix Alcan.
- [Yelagin, N. V.] 1859. *Iskander Gertsen [Iskander Herzen]* [in Russian]. Berlin: Tipografiya Karla Shul'tse.
- Zakharova, L. G. 1984. *Samoderzhaviye i otmena krepostnogo prava v Rossii 1856–1861 [Autocracy and the Abolition of Serfdom in Russia 1856–1861]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Zotov, V. R. 1857. “Sharmanka [Barrel Organ]” [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 5: 42.